

**Акулиничева
Екатерина Олеговна**

кандидат культурологии,

Челябинский государственный
институт культуры (Челябинск, Россия)

E-mail: akulinicheva02@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГИБРИДНОСТИ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

В статье рассматривается концепция культурной гибридности как один из ключевых теоретических подходов к анализу культурной идентичности в условиях глобализации. Анализируются основные положения теории культурной гибридности в работах исследователей, включая Х. К. Бхабха, С. Холла, Н. Гарсиа Канклини, П. Берка, а также представителей российской гуманитарной традиции — М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. С. Библера. Особое внимание уделяется взаимосвязи культурной гибридности и формирования множественной идентичности, а также семиотическим и диалогическим механизмам культурного взаимодействия. Анализируется критика концепции культурной гибридности, связанная с проблемами культурной специфики, неравенства и глобализации. Делается вывод о значимости данной теории для современных культурологических, межкультурных и переводческих исследований.

Ключевые слова: культурная гибридность, культурная идентичность, глобализация, диалог культур, постколониальная теория, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Акулиничева, Е. О. Концепция культурной гибридности и проблема культурной идентичности в современной гуманитарной науке / Е. О. Акулиничева // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 3 (87). — С. 25–30.

Akulinicheva Ekaterina O.

Candidate of Culturology

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: akulinicheva02@gmail.com

The Concept of Cultural Hybridity and the Problem of Cultural Identity in Modern Humanities

This article examines the concept of cultural hybridity as a key theoretical approach to analyzing cultural identity in the context of globalization. It analyzes the fundamental tenets of cultural hybridity theory as presented in the works of scholars such as H. K. Bhabha, S. Hall, N. García Canclini, and P. Burke, as well as representatives of the Russian intellectual tradition — M. M. Bakhtin, Yu. M. Lotman, and V. S. Bibler. Particular attention is paid to the relationship between cultural hybridity and the formation of multiple identities, as well as to the semiotic and dialogic mechanisms of cultural interaction. The article also reviews criticisms of the cultural hybridity concept regarding issues of cultural specificity, inequality, and globalization. It concludes by highlighting the significance of this theory for modern research in cultural studies, intercultural studies, and translation studies.

Keywords: cultural hybridity, cultural identity, globalization, dialogue of cultures, postcolonial theory, intercultural communication

For citing: Akulinicheva E. O. 2026. The Concept of Cultural Hybridity and the Problem of Cultural Identity in Modern Humanities. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 3 (87): 25–30. (In Russ.).

В условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов традиционные представления о культурной идентичности как устойчивой, целостной и однородной категории подвергаются существенному пересмотру. Современные социальные и культурные процессы, включая миграцию, развитие цифровых технологий и расширение глобальных коммуникационных сетей, способствуют усилению взаимодействия различных культур, что приводит к формированию новых, более сложных форм культурной самоидентификации.

В этой связи возрастает значимость концепции культурной гибридности, которая позволяет описать процессы взаимодействия, взаимопроникновения и трансформации культурных систем, а также переосмыслить природу культурной идентичности. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на представление о культуре как о замкнутой и автономной системе, теория гибридности исходит из признания ее открытого, динамического и процессуального характера.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления изменений в структуре культурной идентичности, происходящих под влиянием глобализационных процессов. Особую значимость приобретает анализ механизмов формирования гибридных идентичностей в условиях множественной культурной принадлежности, а также выявление факторов, определяющих характер культурных взаимодействий.

В современной гуманитарной науке проблема культурной гибридности рассматривается в различных теоретических перспективах — от философии языка и теории диалога до постколониальных исследований, культурологии и социальной теории. В связи с этим возникает необходимость комплексного анализа существующих подходов, позволяющего выявить как их общие основания, так и различия в интерпретации процессов культурного взаимодействия.

Целью данной статьи является анализ основных теоретических подходов к культурной гибридности и выявление их роли в понимании культурной идентичности. В рамках поставленной цели предполагается рассмотреть эволюцию представлений о гибридности, от ее осмысления как внутреннего свойства дискурса до понимания как универсального принципа культурного развития, а также определить место данной концепции в современной гуманитарной науке.

Одним из фундаментальных теоретических оснований концепции культурной гибридности является теория диалогизма, разработанная М. М. Бахтиным. В его работах культура осмысливается как принципиально *многоязычное и полифоническое пространство*, в котором ни один голос не существует изолированно. Ключевое положение концепции автора состоит в том, что любое высказывание носит диалогический характер, поскольку оно всегда соотносено с «чужим словом». Это означает, что в каждом акте коммуникации присутствует пересечение различных точек зрения, культурных кодов и смысловых характеристик. Как отмечает исследователь, «слово в языке наполовину чужое» [1], что подчеркивает принципиальную открытость и незавершенность культурного значения.

В рамках данной парадигмы возникает и представление о гибридизации как о процессе смешения различных «социальных языков» в пределах одного дискурса. В работе «Слово в романе» М. М. Бахтин вводит понятие гибридного высказывания, под которым понимается «смещение двух социальных языков в пределах одного высказывания» [2]. Таким образом, гибридность у М. М. Бахтина имеет прежде всего лингвокультурную природу, однако ее значение выходит далеко за рамки литературоведения. С теоретической точки зрения важно подчеркнуть, что в модели, предложенной М. М. Бахтиным:

- культура изначально не является целостной и однородной;
- идентичность формируется через взаимодействие и соотношение с «другим»;
- смысл возникает в процессе диалога, а не в пределах замкнутой системы.

Данные положения фактически подготавливают переход к более поздним теориям культурной гибридности, в которых взаимодействие культур рассматривается уже не только как внутренний механизм языка, но и как социально-исторический и политический процесс.

Именно в этом направлении развивается постколониальная теория, в частности в работах Х. К. Бхабха, который существенно расширяет понимание гибридности, перенося ее в сферу межкультурных и властных отношений. Если у М. М. Бахтина гибридность возникает в пределах дискурса как результат взаимодействия различных голосов, то у Х. К. Бхабха она становится следствием контакта культур в условиях колониализма и глобализации. Однако при всей различности иссле-

довательских контекстов между двумя подходами прослеживается принципиальная преемственность: в обоих случаях отвергается идея «чистой» и автономной культуры.

Центральным понятием концепции Х. К. Бхабха является «*третье пространство*» (англ. «third space») — особая зона культурного взаимодействия, в которой происходит производство новых смыслов. Это пространство не принадлежит полностью ни одной из взаимодействующих культур, а напротив, оно возникает между ними, как результат их столкновения и взаимной трансформации [7].

В отличие от традиционных моделей, основанных на бинарных оппозициях («свой — чужой», «центр — периферия»), Х. К. Бхабха показывает, что культурная идентичность формируется в промежуточных, пограничных зонах. Именно здесь происходит процесс гибридизации, в ходе которого размываются устойчивые культурные границы, возникают новые формы идентичности, трансформируются властные отношения.

Таким образом, «третье пространство» можно в какой-то степени рассматривать как развитие принципа диалогичности на новом уровне. Если у М. М. Бахтина диалог осуществляется между голосами внутри культуры, то у Х. К. Бхабха — между культурами как историческими и политическими субъектами. Особое значение в концепции Х. К. Бхабха приобретает идея о том, что идентичность не предшествует взаимодействию, а конструируется в его процессе. Это положение перекликается с пониманием М. М. Бахтиным смысла как результата диалога, однако у Х. К. Бхабха оно получает более радикальное выражение: идентичность становится не просто открытой, а принципиально нестабильной и множественной.

Развитие концепции культурной гибридности в поздней гуманитарной мысли связано с переосмыслением самой категории идентичности. Существенный вклад в этот процесс внес С. Холл, предложив рассматривать культурную идентичность не как фиксированную сущность, а как динамическую и исторически обусловленную конструкцию.

В работе «Культурная идентичность и диаспора» (англ. «Cultural Identity and Diaspora», 1990) С. Холл выделяет два принципиально различных подхода к пониманию идентичности. Первый предполагает ее трактовку как некой устойчивой, изначально заданной сущности, основанной на общем происхождении и культурном наследии. Второй — и именно он становится доминирующим в современных исследованиях, — рассматривает идентичность как *процесс становления*, который формируется в контексте исторических изменений, социальных практик и культурных взаимодействий [10]. Ключевым является положение о том, что идентичность всегда находится «в производстве»,

то есть она никогда не является завершённой [11]. В условиях глобализации, миграции и формирования диаспор это приводит к возникновению множественных и гибридных идентичностей, которые не могут быть сведены к одной культурной принадлежности.

Наиболее ярким примером являются представители мигрантских и диаспорных сообществ, которые одновременно сохраняют связь с культурой происхождения и интегрируются в культуру страны проживания. Так, многие выходцы из Индии, проживающие в Великобритании, сочетают элементы индийской культурной традиции (семейные ценности, религиозные практики, национальные праздники и языки) с нормами британского общества, системой образования и повседневными моделями поведения. В результате формируется особая форма культурной самоидентификации, которая не сводится ни к индийской, ни к британской культуре в отдельности, а представляет собой их гибридное сочетание. Схожие процессы наблюдаются и в постколониальных обществах. Например, культурная идентичность жителей Гонконга формировалась под влиянием как китайских культурных традиций, так и британского колониального наследия, что привело к возникновению специфической гибридной модели самоидентификации. Аналогичные процессы характерны для Индии, Сингапура, государств Карибского бассейна и других регионов, длительное время находившихся в условиях интенсивного культурного взаимодействия.

Таким образом, в концепции С. Холла гибридность перестает быть исключительно характеристикой культурных форм и начинает рассматриваться как основополагающее свойство субъекта. Индивид оказывается включенным в пересечение различных культурных контекстов, что делает его идентичность принципиально неоднородной и изменчивой.

Однако если С. Холл акцентирует внимание прежде всего на субъективном и символическом измерении идентичности, то дальнейшее развитие теории культурной гибридности связано с переносом анализа на уровень социальных структур и культурных практик. В этом контексте особое значение приобретает концепция Н. Гарсия Канклини.

Н. Гарсия Канклини рассматривает гибридность как результат процессов модернизации и глобализации, затрагивающих не только идентичность, но и институциональные и культурные формы общества. Исследователь показывает, что современные культуры формируются в результате сложного взаимодействия традиционных практик, индустриального производства и массовой культуры и медиа [9].

В отличие от более ранних теорий, сосредоточенных на оппозиции «традиция — модернизм», Н. Гарсия Канклини демонстрирует, что в реальности эти элементы не противопоставляются,

а сосуществуют и переплетаются, образуя гибридные культурные системы. Особое внимание он уделяет роли урбанизации, культурной индустрии и средствам массовой коммуникации, которые способствуют ускорению процессов гибридизации и формированию новых культурных форм. В этом смысле гибридность у Н. Гарсиа Канклин приобретает характер не только теоретической категории, но и эмпирически наблюдаемого социального феномена.

Логическим продолжением данного подхода становится историческая перспектива, предложенная П. Берком. Если у Н. Гарсиа Канклин гибридность связана преимущественно с современными процессами глобализации, то П. Берк стремится показать, что она является универсальной характеристикой культуры на протяжении всей истории.

П. Берк в работе «Культурная гибридность» (англ. «Cultural Hybridity», 2009) анализирует различные формы культурного взаимодействия, выделяя такие основные механизмы гибридизации, как заимствование, адаптация и синтез [8]. На основе широкого исторического материала исследователь приходит к выводу, что так называемые «чистые» культуры представляют собой скорее идеологический конструкт, нежели реальность. Любая культура формируется в результате длительных процессов контакта, обмена и трансформации. Таким образом, концепция П. Берка существенно расширяет рамки теории культурной гибридности, переводя ее из плоскости анализа современности в область *долговременной исторической динамики*.

Развитие концепции культурной гибридности в гуманитарном знании закономерно приводит к обращению к российской научной традиции, в которой сходные идеи формировались в рамках философии культуры, семиотики и теории диалога задолго до их институционализации в постколониальных исследованиях.

В отличие от западных теорий, где акцент часто делается на проблемах колониализма, глобализации и идентичности, российский подход сосредоточен на внутренних механизмах взаимодействия культур, прежде всего через категории знака, текста и диалога.

Одной из ключевых фигур в этом контексте является Ю. М. Лотман, разработавший концепцию семиосферы. Он определяет культуру как целостное семиотическое пространство, внутри которого происходит постоянное взаимодействие различных знаковых систем [4].

Семиосфера, по Ю. М. Лотману, функционирует как:

- пространство генерации смыслов;
- среда перевода между различными культурными кодами;
- механизм трансформации культурной информации.

Принципиально важным является положение о том, что ни одна культура не существует изолированно: она всегда находится на границе с другими культурами, где и происходят наиболее интенсивные процессы смыслообразования. Именно эта граница, согласно Ю. М. Лотману, становится зоной семиотической активности, в которой осуществляется перевод, интерпретация и переосмысление культурных текстов.

Таким образом, в рамках семиотического подхода культурная гибридность может быть осмыслена как результат постоянного *перевода и перекодирования*, что особенно важно в контексте межкультурной коммуникации и теории перевода.

Дальнейшее развитие идеи диалогичности культуры получает в философской концепции В. С. Библера. Он утверждает, что культура существует исключительно в форме диалога культур, где каждая культура осознает себя через взаимодействие с другой [3]. В отличие от линейных моделей культурного развития, В. С. Библер предлагает рассматривать культуру как множественность равноправных логик, каждая из которых раскрывается только в процессе общения с иным культурным опытом. Это означает, что:

- идентичность не может быть замкнутой и самодостаточной;
- культурное развитие осуществляется через столкновение и соотнесение различных смысловых систем;
- диалог является не внешним, а внутренним принципом существования культуры.

В данном контексте идеи В. С. Библера непосредственно перекликаются с концепциями культурной гибридности, разработанными в западной науке, однако отличаются большей философской глубиной и акцентом на логике культурного мышления.

В работах российских исследователей особое внимание уделяется процессам межкультурного перевода, а также взаимодействию локальных и глобальных культурных форм, что сближает российскую традицию с современными международными исследованиями.

Однако несмотря на значительный эвристический потенциал концепции культурной гибридности, ее широкое распространение сопровождается и критическим осмыслением.

Так, британский социолог Дж. Томлинсон отмечает, что процессы глобализации и культурной гибридизации могут приводить к ослаблению локальных культурных различий и формированию унифицированных культурных моделей [12]. В этом контексте чрезмерное акцентирование гибридности, по мнению исследователя, способно нивелировать уникальность культур, подменяя ее идеей всеобщей смешанности.

Кроме того, существенной критике подвергается недостаточное внимание к проблеме власти в теориях культурной гибридности. Так, американский исследователь А. Ахмад отмечает, что в работах постколониальных теоретиков, включая концепцию гибридности, нередко игнорируется экономическое и политическое неравенство, определяющее характер культурных взаимодействий [5].

Наконец, ряд исследователей подчеркивает риск культурной эрозии, связанный с глобализацией и унификацией культурных практик [6]. В этом случае гибридность интерпретируется не как продуктивное смешение, а как утрата глубинных культурных оснований.

Таким образом, критика концепции культурной гибридности не отменяет ее значимости, но указывает на необходимость более взвешенного и комплексного подхода, учитывающего исторический контекст, социальные различия и властные отношения в культурных процессах.

Итак, анализ концепций М. М. Бахтина, Х. К. Бхабха, С. Холла, Н. Гарсиа Канклин и П. Берка позволяет проследить эволюцию представлений о культурной гибридности и культурной идентичности в гуманитарном знании. В рамках данной эволюции наблюдается последовательное расширение исследовательской перспективы. В работах М. М. Бахтина закладывается фундаментальное понимание культуры как диалогического и полифонического пространства, в котором смысл и идентичность формируются через взаимодействие различных голосов. Эта идея получает дальнейшее развитие у Х. К. Бхабха, который переносит принцип диалогичности в сферу межкультурных и постколониальных отношений, вводя концепцию «третьего пространства» как зоны порождения новых культурных смыслов и гибридных идентичностей. В свою очередь, С. Холл смещает акцент на субъектный уровень, рассматривая идентичность как процесс непрерывного становления, обусловленный историческими и социальными контекстами. В его концепции гибридность становится неотъемлемой характеристикой современной идентичности, особенно в условиях глобализации и миграции.

Дальнейшее развитие данной проблематики связано с расширением анализа на уровень культурных систем и социальных практик. Н. Гарсиа Канклин демонстрирует, что гибридность является структурным принципом современной

культуры, формирующейся в результате взаимодействия традиции, модерности и массовой культуры. Наконец, П. Берк предлагает историческую перспективу, показывая, что гибридизация представляет собой универсальный механизм культурного развития, характерный для различных эпох и обществ.

Важным дополнением к данным подходам выступает российская гуманитарная традиция, представленная работами Ю. М. Лотмана и В. С. Библера, в рамках которой культурная гибридность осмысливается через категории семиосферы и диалога культур. Эти концепции позволяют интерпретировать гибридность не только как результат внешних взаимодействий, но и как внутренний механизм функционирования культуры, связанный с процессами перевода, интерпретации и смыслообразования.

Вместе с тем, рассмотрение критических подходов, представленных в работах Дж. Томлинсона, А. Ахмада и Б. Андерсона, показывает, что концепция культурной гибридности требует взвешенного применения. Критика указывает на риски размывания культурной специфики, недооценки асимметрии власти в межкультурных взаимодействиях и возможной культурной эрозии в условиях глобализации.

Таким образом, совокупность рассмотренных подходов позволяет сделать вывод о том, что культурная гибридность является не частным явлением, а базовым принципом существования культуры, проявляющимся на различных уровнях — от дискурсивного и идентификационного до социального, семиотического и исторического.

В этом контексте культурная идентичность предстает как динамическая, множественная и процессуальная конструкция, формирующаяся в условиях постоянного взаимодействия культур, их перевода и переосмысления. Одновременно с этим становится очевидной необходимость учета исторических, социальных и политических факторов, определяющих характер культурных взаимодействий. Это делает концепцию культурной гибридности методологически значимой для анализа современных культурных процессов, а также перспективной для применения в смежных областях, включая межкультурную коммуникацию, переводоведение и исследования глобализации.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Худож. лит., 1975. — 506 с.
2. Бахтин, М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Пальмира, 2017. — 229 с.
3. Библер, В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — Москва : Политиздат, 1990. — 413 с.

4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
5. Ahmad, A. In Theory: Classes, Nations, Literatures / A. Ahmad. — London : Verso, 1992. — 358 p.
6. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — London : Verso, 2006. — 240 p.
7. Bhabha, H. K. The Location of Culture / H. K. Bhabha. — London : Routledge, 1994. — 408 p.
8. Burke, P. Cultural Hybridity / P. Burke. — Cambridge : Polity Press, 2009. — 142 p.
9. García Canclini, N. Hybrid Cultures: Strategies for Entering and Leaving Modernity / N. García Canclini. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1995. — 293 p.
10. Hall, S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / S. Hall. — London : Sage, 1990. — 222 p.
11. Hall, S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / S. Hall. — London : Sage, 1997. — 400 p.
12. Tomlinson, J. Globalization and Culture / J. Tomlinson. — Chicago : University of Chicago Press, 1999. — 240 p.

Получено 01.06.2026

References

1. Bahtin M. M. 1975. Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Esthetics]. Moscow. 506 p. (In Russ.).
2. Bahtin M. M. 2017. Slovo v romane [The Word in the Novel]. St. Petersburg. 229 p. (In Russ.).
3. Bibler V. S. 1990. Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: Dva filos. vvedeniya v dvadcat' pervyi vek [From the Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow. 413 p. (In Russ.).
4. Lotman Yu. M. 2000. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg. 704 p. (In Russ.).
5. Ahmad A. 1992. In Theory: Classes, Nations, Literatures. London: Verso. 358 p.
6. Anderson B. 2006. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso. 240 p.
7. Bhabha H. K. 1994. The Location of Culture. London: Routledge. 408 p.
8. Burke P. 2009. Cultural Hybridity. Cambridge: Polity Press. 142 p.
9. García Canclini N. 1995. Hybrid Cultures: Strategies for Entering and Leaving Modernity. Minneapolis: University of Minnesota Press. 293 p.
10. Hall S. 1990. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference. London: Sage. 222 p.
11. Hall S. 1997. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage. 400 p.
12. Tomlinson J. 1999. Globalization and Culture. Chicago: University of Chicago Press. 240 p.

Received 01.06.2026